

ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
1 и 16 каждаго
мѣсяца.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются безплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

Годовая цѣна—5 руб.

О Т Д Ъ Л Ь I.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Утвержденъ въ должности и. д. псаломщика Ленчицкой церкви, Калишской губ., Иванъ *Демнюкъ*, по опредѣленію консисторіи отъ 6 октября.

Перемѣщенъ по опредѣленію консисторіи псаломщикъ Новорадомской церкви, Петроковской губ., Патрикій *Гапановичъ* къ Плонской церкви, Варшавской губ., съ 16 октября.

Вакантны мѣста — настоятеля при Варшавской замковой церкви и псаломщика при Новорадомской и Равской церквахъ, Петроковской губ.

Отъ Варшавской Духовной Консисторіи.

Варшавская Духовная Консисторія слушали сданное Его Высокопреосвященствомъ на распоряженіе отношеніе Предсѣдателя Православнаго Миссіонерскаго Общества, Высокопреосвященнаго Владимира, Митрополита Московскаго, отъ 24 августа с. г. за № 735, въ коемъ изъяснено, что Святѣйшій Синодъ, вслѣдствіе ходатайства Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, опредѣленіемъ отъ 18 декабря 1887 г. (8 января 1888 г.) за № 2717, утвердилъ предположенія Совѣта, клонящіяся къ возбужденію въ православномъ народѣ усердія къ пожертвованіямъ въ пользу сего Общества. На основаніи сего опредѣленія, препровождая 40 экземпляровъ воззваній для выставленія въ притворахъ церквей и надписи для блюдовъ, Предсѣдатель Общества проситъ Его Высокопреосвященство сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы 1) во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ епархіи въ теченіе первой

седмицы святой четыредесятницы, были выставлены въ притворахъ воззванія съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ; 2) въ недѣлю православія во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ былъ произведенъ тарелочный сборъ на распространеніе христіанства между язычниками Имперіи, при чемъ къ блюдамъ должны быть прилагаемы надписи, каковыя надписи потомъ могутъ быть прилагаемы и къ существующимъ уже и обносимымъ въ церквахъ, по указу Святѣйшаго Синода отъ 28-го августа 1865 года, кружкамъ для сбора пожертвованій на сей предметъ; 3) въ недѣлю православія были неопустительно произнесены священниками поученія о миссіонерскомъ дѣлѣ, напечатанныя въ началѣ 1888 и 1889 г. г. въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ, или же составленныя по ихъ образцу самими проповѣдниками и 4) собранныя пожертвованія причтами и старостами церквей были сосчитаны и отосланы въ теченіе великаго поста мѣстнымъ благочиннымъ, а сими — въ мѣстную духовную консисторію для отсылки въ Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества. Въмѣстѣ съ симъ имѣя въ виду, что во всякое время года могутъ явиться жертвователи на великое дѣло Православнаго Россійскаго Миссіонерства, Предсѣдатель общества проситъ Его Высокопреосвященство снабдить для сей цѣли настоятелей церквей и монастырей епархіи подписными листами съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи года, эти листы съ собранными по нимъ пожертвованіями были представлены полностію въ мѣстную Консисторію для препровожденія въ Совѣтъ Миссіонерскаго Общества. *Приказали:* 1) чрезъ напечатаніе въ Варшавскомъ Епархіальномъ Листкѣ объявить настоятелямъ церквей Варшавской епархіи и настоятельницамъ Теолинскаго монастыря, чтобы а) тарелочный сборъ на распространеніе христіанства между язычниками Имперіи

въ недѣлю православія въ будущемъ 1907 г. былъ произведенъ на вышеозначенныхъ основаніяхъ во всѣхъ церквахъ епархіи и Теолинскомъ монастырѣ и собранныя деньги сосчитаны были причтами и старостами церквей и высланы непремѣнно въ теченіе великаго поста благочиннымъ, а сими послѣдними — въ Консисторію, для отправления въ Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества; б) пожертвованія, собранныя по подписнымъ листамъ, были доставлены въ Консисторію къ 1 февраля слѣдующаго, т. е. 1908 года, при чемъ непремѣнно были возвращены самые листы, не исключая и тѣхъ, по которымъ не окажется записей пожертвованій; в) итоги суммъ въ точности соотвѣтствовали самымъ записямъ, сдѣланнымъ на подписныхъ листахъ, и г) отнюдь не было допускаемо смѣшенія сбора по подписнымъ листамъ съ другими миссіонерскими сборами: церковнокружечнымъ, продолжающимся въ теченіе года, и сборомъ въ недѣлю православія. 2) Упомянутыя въ отношеніи предсѣдателя Православнаго Миссіонерскаго Общества приложенія, какъ то: воззванія, подписные листы и надписи для сборныхъ блюдъ, сколько ихъ получено, разослать по церквамъ чрезъ подлежащихъ благочинныхъ, а Каѳедральному собору, Теолинскому монастырю и Управленію Архіерейскаго Дома выслать непосредственно изъ Консисторіи. „19,, сентября 1906 года.

Отъ редакціи.

Редакція проситъ представить подписку на 1906 годъ: церкви—Варшавскія: при б. Королевскомъ замкѣ, при Суворовскомъ кадетскомъ корпусѣ и при Исправительномъ отдѣленіи, Благодатненскую, Варшавской губ., и Мазовецкую, Ломжинской губ., гимназіи: Варшавскую первую женскую, Лодзинскую (п на 1905 годъ), Ломжинскую, Калишскую, Кѣлецкую и Петроковскую; и реальныя училища: Калишское и Ловичское.

Редакторъ С. Москалевичъ.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Что насъ раздѣляетъ со старо-католиками?

(Окончаніе *).

Нѣчто подобное можетъ быть и въ вопросѣ о Filioque и пресуществленіи. И мы, и старокатолики должны постоянно въ нашихъ взаимныхъ сношеніяхъ имѣть въ виду ту тысячелѣтнюю разницу въ культурѣ, въ умственной жизни и пр., которая ви-

ситъ надъ церковнымъ раздѣленіемъ. Многіе слова и термины, общіе и той и другой сторонѣ, на самомъ дѣлѣ имѣютъ у каждой совершенно особый смыслъ, весьма цѣнный для одной стороны и неудобопріемлемый для другой. Если мы съ несомнѣнностью убѣждены въ тождествѣ нашей вѣры, тогда конечно споръ о словахъ и терминахъ нужно прекратить, предоставивъ каждому привычную для него форму выраженія.

Такъ, отрицая Filioque, мы защищаемъ монархію, единоначаліе во Св. Троицѣ, что существенно необходимо для истины единства Божія. Для насъ или, точнѣе, для греческаго ума допустить, что Сынъ есть источная причина Св. Духа, вмѣстѣ съ Отцомъ, значитъ допустить два начала въ Божествѣ, иначе говоря — психологически и логически невозможно. Чтобы отстоять эту истину противъ латинства, греки готовы прибавить къ символу слово „отъ одного“ (Отца), лишь бы только рѣзче и не сомнѣннѣе, безъ всякой возможности перетолкованій, выразить свою вѣру. Между тѣмъ старокатолики прошли другую школу, выработали особый строй мышленія о Богѣ, и вотъ для нихъ сказать, что Сынъ и Св. Духъ въ своемъ вѣчномъ происхожденіи совершенно независимы и, такъ сказать, неприкосновенны Одинъ Другому, значитъ нарушить именно ту монархію въ Божествѣ, которую такъ защищаютъ на Востокѣ. Каждый стоитъ на своей точкѣ зрѣнія, смотритъ сквозь свои особымъ образомъ окрашенныя очки и никакъ не можетъ или, по крайней мѣрѣ, только съ великимъ трудомъ и самоотреченіемъ можетъ понять особую точку зрѣнія и способъ мышленія другого. Поэтому, если мы съ несомнѣнностью убѣдимся, что старокатолики, вычеркивая изъ своего символа Filioque, отнюдь не форму только исполняютъ не каноническую только шереховатость хотятъ сгладить, а дѣйствительно вѣрують въ единоначальную Троицу такъ же православно, какъ вѣруетъ въ Нее св. церковь; тогда конечно, мы не будемъ требовать отъ старокатоликовъ, чтобы они подписались подъ формулой „отъ одного Отца“, мы предоставимъ имъ даже Filioque, именно, въ твердой увѣренности, что послѣднее необходимо для западнаго ума, чтобы выразить ту же мысль которую мы хотимъ подчеркнуть своей формулой „отъ одного Отца“.

Дѣло здѣсь идетъ, какъ мнѣ кажется, не о различіи догмата и частнаго мнѣнія, не о томъ, что, согласившись въ основномъ и строго опредѣленномъ на соборахъ, мы объ остальномъ можемъ думать, что каждому угодно, а лишь бы подыскать подъ наше мнѣніе нѣсколько официальныхъ ссылокъ изъ отеческой литературы. Такимъ путемъ можно зайти очень далеко. Такая неопредѣленность говорила бы за отсутствіе вѣры, за потерю истины, что для церкви было бы гибелью. Какъ

*) См. № 19.

миѣ кажется, въ спорахъ съ старокатоликами дѣло идетъ о различныхъ способахъ выраженія одной и той же православной вѣры. Принимая во вниманіе особенности умственной жизни нашего западнаго собрата, мы предоставляемъ ему его форму выраженія нашей же вѣры и отъ него ожидаемъ такого же снисхожденія къ намъ съ нашими особенностями, съ нашими немощами. Нужно только, повторяю, быть увѣреннымъ, что эти различныя формы выраженія, дѣйствительно, содержатъ въ себѣ одну и ту же вѣру православную.

Относительно св. таинства евхаристіи мы вѣруемъ что хлѣбъ и вино, по освященіи, перестаютъ быть обыкновеннымъ хлѣбомъ и виномъ, а таинственно и духовно становятся навсегда тѣломъ и кровію Господа І. Христа, хотя вещество ихъ и остается веществомъ и подчинено обычнымъ законамъ вещества, т. е. можетъ быть уничтожено, можетъ сгорѣть и пр. Причащаясь хлѣба и вина, мы вѣруемъ, что причащаемся истиннаго тѣла и истинной крови Господней, дѣлаемся едино съ Нимъ и тѣмъ участвуемъ въ Его страданіяхъ и въ Его воскресеніи. Какъ происходитъ это таинство, конечно, никто объяснить не можетъ, но мы вѣруемъ, что таинство это происходитъ съ хлѣбомъ и виномъ, а не съ душой только причащающагося, притомъ не такъ, чтобы вездѣсуцій Господь І. Христосъ сходилъ, какъ бы локализовался въ кусочкѣ хлѣба, какъ фантазировалъ на латинской почвѣ Лютеръ. Эту именно мысль объ объективномъ значеніи таинства и хочеть подчеркнуть наша церковь, принимая отъ запада готовый терминъ „пресуществленіе“, именно, какъ готовый терминъ, и специально противъ субъективнаго, т. е. призрачнаго, мечтательнаго причащенія протестантовъ и противъ лютеранской *ubiquitas*. При этомъ, конечно, ничего Аристотелевскаго съ терминомъ „пресуществленіе“ мы не соединяемъ и никакихъ ужасовъ латинскаго матеріализма въ евхаристіи мы не принимаемъ, потому что самой исторіи возникновенія этого термина мы непричастны. Вкушая хлѣбъ и вино, мы вѣруемъ, что причащаемся тѣла и крови Христовой, но какъ это происходитъ — мы не знаемъ. Раздробляя своими зубами хлѣбъ, мы не скажемъ, что раздробляемъ тѣло Христово, что оно остается у насъ на зубахъ; и ощущая въ своемъ рту теплое вино, мы не рѣшимся подумать, что это теплота крови Господней. Не даромъ въ чинѣ литургіи діаконъ предъ причащеніемъ говоритъ священнику: „раздоби, владыко, святой хлѣбъ“, хотя таинство уже совершилось. Преложеніе совершается духовно, тѣло и кровь Христовы остаются явленіями духовными и питаютъ насъ духовно, но они есть въ дѣйствительности, помимо нашего личнаго отношенія къ элементамъ таинства. Таинство, слѣдовательно, и для насъ остается таин-

ствомъ непроницаемымъ и способъ осуществленія его непостижимымъ.

Старокатолики возражаютъ противъ законности самого термина „пресуществленіе“. „Церкви Востока и Запада, говорятъ они, были соединены, когда слово „пресуществленіе“ еще не существовало“, и „въ богослужебныхъ книгахъ русской церкви это слово не находится“. Но, вѣдь, и слова „единосущный“ иѣтъ въ Св. Писаніи, не было его и въ церковномъ преданіи и тѣмъ не менѣе оно стало обязательной формулой православнаго догмата, когда явилась нужде выразить этотъ догматъ съ ясностью, не допускающей перетолкованій. Точно также и мы, боясь субъективизма въ пониманіи таинства евхаристіи, имѣемъ право и обязанность взять для выраженія нашей вѣры терминъ хотя бы самый новый, но болѣе опредѣленно, чѣмъ все прежніе, указывающій на объективное значеніе таинства.

Однако, отстаивая всеми силами православное ученіе объ объективномъ значеніи таинства евхаристіи и удерживая у себя терминъ „пресуществленіе“, мы должны принять въ соображеніе, въ нашихъ спорахъ съ старокатоликами, то особенное, совершенно своеобразное и чуждое намъ освѣщеніе, какое дается термину „пресуществленіе“ на западѣ. Если для насъ это случайный и лишь условный терминъ, съ которымъ филологически мы, пожалуй, никакого особеннаго представленія не соединяемъ; если для насъ это лишь внѣшній знакъ таинства, то для западныхъ это вполне опредѣленное и специально выработанное выраженіе извѣстной философской мысли объ отношеніи эссенціи къ акциденціи. Переносъ этотъ терминъ въ богословіе, на западѣ хотѣли объяснить именно самый способъ, какимъ совершается таинство, хотѣли непостижимую истину сдѣлать постижимой и представимой, хотѣли явленію духовному придать различимость явленій чувственнаго міра, и чрезъ то впали въ грубый матеріализмъ, претящій свѣжему религіозному чувству (вспомнимъ у Хомякова сельскаго священника, который о латинскомъ ученіи отозвался, что у нихъ въ разсужденіяхъ о причащеніи слышится „мясо“, а не тѣло Христово). Зная этотъ подлинный смыслъ термина „пресуществленіе“, воспитанные на его буквальномъ примѣненіи въ богословіи со всеми послѣдствіями такого примѣненія, старокатолики психологически не могутъ помириться съ этимъ ужаснымъ для нихъ терминомъ и не принимаютъ его, не смотря на всю свою готовность вѣровать по православному. Нашъ долгъ въ этомъ случаѣ не требовать отъ нихъ непосильнаго.

Но, съ другой стороны, и старокатолики, зная, въ какомъ смыслѣ и зачѣмъ мы удерживаемъ терминъ „пресуществленіе“, въ свою очередь должны

быть къ намъ снисходительны, и не только не ставить намъ возраженій, относящихся къ римскому ученію, но должны постараться выразить свое ученіе наиболѣе ясно и опредѣленно, именно, съ точки зрѣнія объективности таинства. Забота ихъ должна состоять не въ томъ, чтобы при изложеніи своего ученія о таинствѣ евхаристіи, употреблять только такія слова, которыя употреблялись въ церкви нераздѣльной: слова эти могутъ и измѣнить свой смыслъ въ устахъ человѣка XX столѣтія, а въ томъ, чтобы въ самомъ пониманіи таинства ни на іоту не потерять древне-православнаго ученія, и въ томъ, въ частности, чтобы обнаружить свое согласіе съ церковью и свое отличіе отъ протестантства наиболѣе ясно.

Къ сожалѣнію, такой опредѣленности и недостаётъ отдѣлу II „Отвѣта Роттердамской комиссіи“. „Древняя церковь, гласитъ 1-й пунктъ этого отдѣла, вѣровала, что хлѣбъ и вино, по священіи, не суть ни обыкновенный хлѣбъ, ни обыкновенное вино, но что „... они—хотѣлось бы продолжать православному—становятся и т. д.; у старокатоликовъ же мы читаемъ: „но что вкушающій освященный хлѣбъ и пьющій освященное вино истинно и дѣйствительно причащается тѣла и крови Иисуса Христа. Его страданій и Его жертвы“. Эта перемѣна субъекта предложенія весьма неожиданна и невольно поражаетъ православнаго: какъ будто намѣренно подчеркивается смыслъ объ одномъ личномъ, субъективномъ значеніи таинства. Есть причащающійся, онъ причащается Христа; нѣтъ причастника, таинства еще нѣтъ. Правда, старокатолики далѣе говорятъ: „Слѣдовательно она (церковь) вѣровала, что въ освященномъ хлѣбѣ и винѣ Иисусъ Христосъ присуць истинно, дѣйствительно существенно, духовно мистически таинственно (sacramentaliter), но ни матеріально, ни тѣлесно“. Это „присутствіе Христа“ едва ли насъ удовлетворитъ. Не то же ли, или почти не то же ли могъ бы сказать и Лютеръ? Во всякомъ случаѣ, изложеніе старокатоликовъ не выражаетъ вселенской вѣры даже въ той степени, въ какой выражаетъ ее нашъ не совѣмъ, можетъ быть, (въ данномъ отношеніи) очерченный терминъ „преложеніе“.

Второй пунктъ II отдѣла только еще болѣе усиливаетъ наше недоумѣніе. Здѣсь старокатолики ставятъ рядъ вопросовъ: какъ въ обыкновенномъ хлѣбѣ и винѣ Иисусъ Христосъ присуць истинно, дѣйствительно, существенно, духовно, мистически, таинственно? Какъ освященный хлѣбъ и освященное вино не суть болѣе обыкновенный хлѣбъ и обыкновенное вино? Какъ вкушающій освященнаго хлѣба и пьющій изъ освященной чаши становится причастникомъ тѣла и крови Иисуса Христа, Его страданій и Его жертвы?—и отвѣчаютъ: „въ Священномъ Писаніи эти вопросы не разъяснены“. —

Намъ, православнымъ, непонятно это стараніе избѣгнуть соединенія словъ „хлѣбъ и вино“, съ одной стороны, и „тѣло и кровь“, съ другой, въ одномъ предложеніи. Хлѣбъ и вино для старокатоликовъ не суть обыкновенные хлѣбъ и вино, въ хлѣбѣ и винѣ Иисусъ Христосъ присутствуетъ, но о тѣлѣ и крови Христовыхъ они рѣшаются упомянуть только тогда, когда говорятъ о вкушающемъ. Старокатолики оправдываютъ себя тѣмъ что они боятся поднять завѣсу таинства, чтобы не профанировать его и не впасть въ матеріализмъ. Но этого, какъ мы выше видѣли, не менѣе ихъ боимся и мы, и отнюдь не думаемъ что-нибудь объяснить своимъ „преложеніемъ“ или „пресуществленіемъ“ (такъ мы употребляемъ этотъ терминъ) но мы держимся этой формулы, потому что она наиболѣе ясно отрицаетъ протестантскій субъективизмъ, оградить себя отъ котораго мы всего болѣе стараемся.

Наша настойчивость въ этомъ случаѣ не должна удивлять старокатоликовъ: они должны знать, что здѣсь дѣло идетъ о самомъ важномъ, самомъ существенномъ въ церковной жизни вопросѣ. Вѣдь, строго говоря, евхаристія въ церковной жизни—все; вѣдь, только она дѣлаетъ церковный союзъ чѣмъ-то совершенно особымъ, несравнимымъ съ прочими людскими союзами и церковному общенію даетъ характеръ и свойство явленія подлинно духовнаго, неземнаго, вѣчнаго. Единство въ вѣрѣ, въ обрядахъ, наконецъ, въ какомъ-нибудь общемъ добромъ дѣлѣ, конечно, существенно для церкви, но не въ этомъ самая суть, это еще не церковное общеніе. Этотъ союзъ еще не отличается отъ обычныхъ земныхъ союзовъ, напр., для изученія какой-нибудь науки или искусства и т. и., при чемъ люди, сходясь въ одномъ чемъ-нибудь, въ остальномъ живутъ каждый своею отдѣльною жизнью и за предѣлы земли не выходятъ. Только тогда, когда люди вмѣстѣ приступаютъ къ св. тайнамъ, начинается церковное общеніе, начинается духовное единство людей, они становятся дѣйствительно членами тѣла Христова. Если же евхаристія понимается иначе, если устраняется ея таинственное значеніе и она превращается въ простой обрядъ, можетъ быть, очень знаменательный и назидательный, но только обрядъ, тогда, конечно, не стоитъ тратить и времени на переговоры: общеніе нецерковное, ничѣмъ въ сущности отъ мірскаго общенія не отличающееся, ничего духовнаго, вышесмірнаго съ собой не приносящее, можетъ состояться и помимо церкви, если только это кому-нибудь будетъ интересно. Желая же общенія именно церковнаго (не обычнаго „знакомства по плоти“ 2 Кор. V, 16), мы должны прежде всего и непременно достигнуть совершенной ясности въ вопросѣ объ евхаристіи.

Старокатолики, такимъ образомъ, не хотятъ успокоить востокъ, что къ протестантству они не

склоняются и что субъективизмъ они отрицаютъ, и это въ документѣ, въ которомъ они даютъ отвѣтъ на прямой запросъ объ этомъ съ востока. Мы вѣримъ имъ, что они содержатъ именно церковное ученіе (и я, въ частности, думаю, что по крайней мѣрѣ, тѣ старокатолики, которые практически живутъ старокатолицизмомъ, напр. священники и т. п., на самомъ дѣлѣ объ евхаристіи мыслятъ православно); но формула ихъ несомнѣнно недостаточна.

Итакъ, пусть только старокатолики убѣдятъ насъ, что они православно вѣруютъ въ евхаристію и въ Св. Троицу, тогда ни *Filioque*, ни отсутствіе термина „пресуществленіе“ не помѣшаютъ намъ быть съ ними едино.

II.

Но съ устраненіемъ этихъ препятствій вопросъ о соединеніи со старокатоликами отнюдь не разрѣшается, а напротивъ только теперь онъ и встаетъ предъ нами во весь ростъ: покончивши съ прикрытіями, мы теперь приходимъ уже къ настоящему препятствію.

Главное, что раздѣляетъ востокъ и западъ, есть несомнѣнно понятіе о церкви, точнѣе — пониманіе церкви, т. е. не столько догматическое опредѣленіе церкви, сколько практическое, обыденное представленіе церкви въ ея настоящемъ положеніи. Это пониманіе всегда имѣетъ громадное значеніе въ религіозной жизни, потому что въ немъ въ сущности выражается практически-осуществленное и потому вполне ясное для человѣка пониманіе своей вѣры, иначе говоря—его подлинное міровоззрѣніе, которымъ человѣкъ живетъ. Это было главной внутренней причиной отпаденія запада отъ вселенской церкви, это было причиной и устойчивости этого отпаденія, бесплодности всѣхъ попытокъ униі. Это же составляетъ главное препятствіе, ту стѣну, которую необходимо преодолѣть и старокатоликамъ на пути къ единенію съ церковію.

Статья „Еще разъ къ разъясненію“ подтверждаетъ нашу мысль.

Въ своемъ „Примѣчаніи“ на третій тезисъ профессора Гусева („Церковный Вѣстникъ“ № 32) старокатолики пишутъ: заблужденіе проф. Гусева „свой корень имѣетъ въ превратномъ понятіи о церкви, или въ ложномъ пониманіи церкви, какъ таковой“. Въ чемъ же это ложное пониманіе? Въ томъ, что „Гусевъ видитъ Христову церковь, т. е. *una, sancta, catholica et apostolica ecclesia* никейскаго символа, въ помѣстныхъ (восточныхъ) церквахъ. Такое пониманіе, рѣшительно заключаютъ старокатолики, несостоятельно“, и далѣе раскрываютъ свое пониманіе церкви (примѣчанія на 3, 4 и 5 тезисы, — „Церковный Вѣстникъ“ №№ 32 и 33).

Въ настоящее время, по мысли старокатоликовъ, единая, святая, соборная и апостольская церковь практически, т. е. въ видѣ „единой церковной орга-

низациі“, не существуетъ, нѣтъ „единого стада подѣ Единымъ Пастыремъ“. Только тогда, когда разсѣянные во многихъ частныхъ церквахъ „все православныя на землѣ“ будутъ „собранны въ единую церковную организацію“, когда они „и внѣшне будутъ соединены въ одномъ церковномъ обществѣ“, только тогда и будетъ „возстановлена, по требованію апостола, церковь, какъ таковая, не имущая скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна“ (Ефес. V, 27). Теперь же существуютъ лишь частныя церкви, могущія претендовать лишь на большее или меньшее приближеніе къ идеалу церкви, но каждая въ частности вселенской церкви не составляющія.

„А между тѣмъ на землѣ должна еще существовать вселенская Христова церковь, потому что самъ Господь даровалъ ей даръ неразрушимости до Его втораго пришествія съ неба. Гдѣ же она, слѣдовательно, находится? Гдѣ же она, спрашиваютъ старокатолики, можетъ находиться, какъ не внутри различныхъ частныхъ церквей? И внутри этихъ церквей кто будетъ принадлежать къ ней? Кто будетъ ея живымъ членомъ? Мы (старокатолики) отвѣчаемъ: все, со всею вѣрностью хранящія сокровища, которыя Христосъ оставилъ Своимъ согласно съ исповѣданіемъ и практикою церкви семи вселенскихъ соборовъ, и старающіеся, сколько отъ нихъ зависитъ, защищать эти сокровища отъ всякаго искаженія. Хотя они разсѣяны и во многихъ частныхъ церквахъ, однако же къ нимъ относится слово апостола: едино тѣло, единъ духъ и пр.“

Что же такое эта не находимая и однако непременно долженствующая существовать единая, святая, соборная и апостольская церковь, вѣру въ которую мы съ такой же ясностью исповѣдуемъ какъ и вѣру въ Отца, Сына и Святаго Духа?

„Истинная нераздѣленная Христова церковь, слѣдовательно церковь никейскаго символа, ни въ какомъ случаѣ не ограничивается извѣстнымъ числомъ наличныхъ помѣстныхъ церквей, но состоитъ въ совокупности (*Totalität* — цѣлостности) всѣхъ православныхъ на землѣ. Всякій, кто причисляетъ себя къ этой церкви, кто, слѣдовательно, исповѣдуетъ отъ Христа происходящій залогъ (*depositum*) вѣры безъ поврежденія его чрезъ прибавку чего-либо или чрезъ убавленіе, есть членъ ея, къ какой бы помѣстной церкви Востока или Запада наружно онъ ни принадлежалъ“.

Этой-то совокупности всѣхъ православныхъ на землѣ и ввѣрено Христово наслѣдіе, оно-то и есть хранитель подлинно-церковнаго преданія и можетъ авторитетно опредѣлять подлинно-церковное, обязательное для всѣхъ христіанъ ученіе. „Если бы законныхъ представителей всѣхъ этихъ праворуководящихъ возможно было, — а въ настоящее время

и, кто знаетъ, какъ долго еще это по людской винѣ невозможно, — созвать въ одно собраніе, то это собраніе опять представило бы собою дѣйствительно истинно вселенскій соборъ, и, если бы на немъ состоялись законнымъ образомъ догматическія опредѣленія, оно имѣло бы право и полномочіе возвѣстить ихъ вѣрующимъ съ словами апостольскаго собора: изволися Духу Святому и намъ“.

Такой вселенскій соборъ теперь невозможенъ, потому что „единство церкви обратилось по людской винѣ въ двоицу — восточную и западную церковь“. „Объ послѣднія сдѣлались совершенно одинаково частными церквами“... „и ни одна изъ нихъ не можетъ по справедливости претендовать на высокій титулъ нераздѣленной церкви Христовой“, не можетъ собрать и вселенскій соборъ, а слѣдовательно — не можетъ претендовать и на непогрѣшимость. Обѣ онѣ прошли свойственный имъ путь частнаго развитія, въ которомъ, наряду съ хорошимъ, „могло вкратиться и многое ошибочное, превратное и негодное, что, чѣмъ раньше тѣмъ лучше, могло бы и должно бы быть удалено самою подлежащею церковію“.

Это самоисправленіе восточной или западной церкви происходитъ постепенно путемъ приближенія ученія и устройства данной церкви къ ученію и устройству церкви вселенской. Свидѣтельствомъ же и авторитетнымъ истолкователемъ этого ученія и устройства служатъ соборныя опредѣленія первыхъ восьми вѣковъ, а потомъ и все вообще литературное, литургическое и пр. наслѣдіе нераздѣленной церкви. Во что вѣровали всегда, вездѣ и всѣ, то только должно быть признано подлинно-церковнымъ, а слѣдовательно Христовымъ преданіемъ, — обязательнымъ для всѣхъ догматомъ; все же прочее должно быть или устранено, или оставлено въ качествѣ лишь частнаго, къ откровенной истинѣ не принадлежащаго и потому не общеобязательнаго мнѣнія. Старокатолики въ этой статьѣ не объясняютъ, какимъ путемъ можно установить это подлинное преданіе Христовой церкви; но очевидно, что его можно установить только путемъ обычнаго изслѣдованія оставшихся памятниковъ и документовъ древне-церковной жизни. Насколько данная частная церковь исправитъ себя, насколько полно и безъ всякаго прилога или убавленія сохранить она въ себѣ вселенское наслѣдіе, настолько она и становится „христіанской церковію“.

Послѣдній выводъ изъ всего этого слѣдующій „такъ какъ вселенская церковь, какъ непогрѣшимая учительница и законодательница, продолжаетъ жить въ каждой частной церкви“, въ видѣ же особой „единой церковной организаціи“ не существуетъ; такъ какъ къ ней принадлежатъ не общества, не группы людей въ ихъ цѣлости, а личности отдѣльныя; то конечно, не можетъ быть и никакого отпа-

денія помѣстной церкви отъ вселенской, ни воссоединенія съ нею, въ томъ смыслѣ, какъ это понимаемъ мы. Если въ помѣстной церкви есть іерархія, законнымъ образомъ рукоположенная; если въ ней совершаются правильно и законно-церковныя таинства; то стоитъ ей только устранить изъ своего ученія и устройства все несогласное съ вселенскимъ наслѣдіемъ, и она ео ipso становится „православнымъ католическимъ обществомъ“, „относительно самымъ чистымъ представленіемъ нераздѣленной вселенской церкви Христовой“, и входитъ въ общеніе съ другими автономными обществами, которыхъ оно признаетъ также „относительно чистымъ представленіемъ нераздѣленной вселенской Христовой церкви“.

(Правосл. Америк. Вѣстникъ).

Можно ли христіанину быть социалистомъ?

(Окончаніе *).

Христіанство, далѣе, учитъ, что если бы люди и все имѣніе роздали и подѣлили, все-таки на землѣ всегда останется неравенство. Даже и на небѣ, въ вѣчной жизни, будетъ не все одинаково: „иная слава солнцу, иная лунѣ, иная звѣздамъ, и звѣзда отъ звѣзды разнится во славу: такъ и при воскресеніи мертвыхъ“ (1 Кор. 15, 41—42). Но на небѣ будетъ каждому указана степень блаженства по всей справедливости праведнымъ судомъ Божиимъ, смотря по заслугамъ cadaго человѣка, а на землѣ, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ грѣшныя люди, никогда не можетъ быть полной во всемъ справедливости и равномѣрности въ распредѣленіи всѣхъ благъ земныхъ. И Богъ насильно людей не спасаетъ: нельзя насильно и грѣшника сдѣлать праведникомъ. Но и помимо грѣховности людей, вообще нельзя все подѣлить поровну: нельзя, на примѣръ, ни на деньги купить, ни поровну подѣлить — молодости, здоровья, способностей, ума, чувства, усердія, чистоты совѣсти, семейнаго счастья и проч. Какъ поровняешь умнаго съ глупымъ, способнаго съ неспособнымъ, лѣнтя съ трудолюбцемъ, пьяницу съ трезвенникомъ, честнаго съ безчестнымъ. Напротивъ, насильственное уравненіе всѣхъ вызвало бы новыя неравенства, новыя споры, вражду и несогласія. Поэтому христіанство осуждаетъ всякое насиліе: всячески желая улучшить земную жизнь людей, оно, однако, знаетъ, что невозможно передѣлать ее сразу, и потому совѣтуетъ христіанину мириться со всякою невзгодою житейской, указываетъ каждому человѣку, что спасенія душевнаго онъ долженъ искать при всякихъ порядкахъ жизни, и что онъ можетъ найти это спасеніе души во всякомъ положеніи, званіи и состояніи. Спасайтесь богатые — мило-

*) См. № 16.

стынею, спасайтесь убогіе—терпѣніемъ, спасайтесь всѣ люди—любовію,—такъ учитъ христіанство, такъ и говорили древніе христіане.

А социализмъ, видя счастье людей только на землѣ, отвергая небо, душу и нравственность, всѣ надежды полагаетъ на насиліе и принужденіе. И понятно: не зная неба, онъ поскорѣе хочетъ воспользоваться землею. „Будемъ ѣсть и пить — все равно скоро умремъ, и все тѣмъ кончится“ — вотъ какъ разсуждаютъ они.

Христіанство учитъ богатыхъ, что богатство опасно для души, что ему не надо подчинять душу; оно говоритъ: если богатство течетъ, не прилагайте къ нему своего сердца; трудно богатому войти въ царствіе Божіе, говоритъ Христосъ. *Онъ жалеть богатыхъ, ибо имъ трудно спасти душу.*

А социализмъ *завидуетъ* богатымъ и *ненавидитъ* ихъ.

Христіанство учитъ, что насиліемъ, завистью и ненавистью нельзя устроить доброй и счастливой жизни: нельзя въ грязной водѣ вымыть и сдѣлать бѣлымъ грязное бѣлье, отъ зла не бываетъ добра; только Богъ можетъ обратить и зло къ добрымъ послѣдствіямъ. А социализмъ учитъ совершенно обратному и обѣщаетъ, что изъ насилія и принужденія выйдетъ равенство и свобода, изъ зависти и ненависти родится любовь и общее счастье. Это все равно, что лѣчить и подравнивать у хромого ноги тѣмъ, что одну ногу обрѣзать наравнѣ съ хромою, или хромою ногу вытянуть насильно и сдѣлать такую же длинною, какъ здоровая. Ясно, что такимъ лѣченіемъ не уничтожится, а еще болѣе увеличится хромота и болѣзнь ногъ.

Христіанство учитъ, что можно и должно любить свой народъ, свою родину, служить отечеству и жертвовать для него во имя любви всѣмъ, даже и жизнью своею. Для блага отечества, для его защиты и порядка нуженъ царь, нужны власти, нужно воинство. Это такъ же естественно и необходимо, какъ естественно ребенку любить свою семью, а въ семьѣ — повиноваться отцу и матери.

А социализмъ отвергаетъ всякое отечество, всякую разницу людей по языку, народности, вѣрѣ и проч. Онъ зоветъ бѣдняковъ всѣхъ странъ соединиться и идти борьбою и войною противъ богачей всѣхъ странъ. Для этого онъ прежде всего желаетъ уничтожить царя и всѣ власти, уничтожить всѣ государства.

Христіанство учитъ, что предъ Богомъ драгоценна каждая отдѣльная душа человѣческая, каждая отдѣльная личность. Спаситель говоритъ: „Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ, ибо говорю вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лицо Отца Моего Небеснаго. Нѣтъ воли Отца Небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ“ (Мѡ. 18, 10, 14).

А социализмъ говоритъ, что каждый отдѣльный человекъ—ничто, онъ имѣетъ значеніе только въ той кучкѣ людей, въ которой онъ поставленъ и въ которой будетъ пользоваться равной долей указанного ему труда и указанной части пищи, одежды, жилища и проч. При такомъ условіи ясно, что нѣтъ у человека и свободы: какъ рабочая сила, онъ будетъ приставленъ къ своему дѣлу и обратится въ машину; его свобода обратится въ неволю, въ рабство; какъ рабочій скотъ, получить свое мѣсто у стойла и свой кормъ. Нѣкоторые социалисты учатъ, что и жены у людей должны быть общими. Выходитъ, людей будутъ пускать на племя, какъ скотъ. Отъ такого равенства и отъ такой свободы сохрани, Господи! Такъ равны мертвые на кладбищѣ, камни въ стѣнѣ, такъ свободны лошади на конскомъ заводѣ. Между тѣмъ, социалисты много говорятъ о томъ, что люди должны быть равными и свободными. Да это вѣдь — злая, безсердечная насмѣшка надъ недалекими простецами, одно издѣвательство надъ людьми!

Итакъ, социализмъ отвергаетъ Бога, христіанство, душу человека, безсмертіе и загробную жизнь, отвергаетъ грѣхъ и борьбу со грѣхомъ, отвергаетъ отечество, собственность, личность и духовную свободу. Что же онъ обѣщаетъ человеку? Равную долю всѣмъ на землѣ въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ и въ другихъ земныхъ потребностяхъ. Если бы это и можно было дать людямъ, то у нихъ при сытости тѣла затоскуетъ и будетъ голодною душа. Вѣдь какъ ни заглашай въ человекѣ совѣсть, какъ ни вытравай изъ души человѣческой религіозное чувство — безсмертный духъ человека будетъ требовать того, что ему сродно, и ничто на землѣ не можетъ удовлетворить его безъ Бога! Спаситель ясно говоритъ: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“ (Мѡ. 4, 4). Счастье социалистовъ годно только для животныхъ, но не для людей. И такъ какъ грѣховность у людей не уничтожится, а безъ религіи и нравственности исправлять и улучшать грѣховное состояніе людей нельзя и нечѣмъ, то придется и смирать ихъ такъ, какъ скотовъ, т.-е. одною силою и ударами. Вотъ тогда-то и настанетъ вѣкъ, когда люди, какъ звѣри, будутъ бросаться другъ на друга, безжалостно и безпощадно истребляя другъ друга, настанетъ царство злобы и насилія, когда зависть станетъ добродѣтелью, а любовь замѣнится безсердечнымъ расчетомъ. И вмѣсто рая, какой ожидаютъ социалисты, на землѣ будетъ адъ со всѣми его ужасами...

Мы видѣли, что и подѣлить все поровну невозможно. Мы знаемъ, что и обладаніе пищей и всѣмъ необходимымъ не дѣлаетъ человека счастливымъ: вѣдь богачи все это въ избыткѣ имѣютъ, среди нихъ

не меньше несчастныхъ, какъ и среди бѣдниковъ. Черезъ золото слезы льются.

Поэтому социализмъ не можетъ выполнить своихъ обѣщаній; коему все равно, что вѣрить врачу, который обѣщаетъ сдѣлать человека вѣчно молодымъ, безболѣзненнымъ и безсмертнымъ. Счастье людямъ даетъ и на землѣ и на небѣ только вѣра въ Бога, знаніе и исполненіе Его воли и закона, благодатная помощь Иисуса Христа во св. церкви, чистая совѣсть предъ Богомъ и людьми. При чистой совѣсти—спокойна жизнь, спокойна смерть, и блаженна вѣчность. А социализмъ есть ученіе безбожное, богоборное, противное запросамъ человѣческой души и совѣсти. Онъ есть повтореніе древняго издохшаго язычества, что приравнило людей къ скотамъ и привело ихъ къ гибели, отъ которой и спасъ ихъ Иисусъ Христосъ.

Быть христианиномъ и вмѣстѣ быть социалистомъ невозможно, какъ нельзя въ одно и то же время служить и Богу и сатанѣ. Посему—блаженъ человекъ, который не пойдетъ на совѣтъ сихъ нечестивцевъ-богоотступниковъ, по слову царя Давида, ибо путь нечестивыхъ погибнетъ!

Замѣтка.

Гигиеническое значеніе фруктовъ Фрукты, по справедливости, причисляютъ къ здоровымъ пищевымъ веществамъ. Съѣдая большія количества фруктовъ, мы вводимъ въ организмъ значительныя количества легко растворимаго сахара, содержащагося въ фруктахъ. Сладкая вишня содержитъ болѣе 10 процентовъ сахара, зрѣлый же виноградъ даже 20%, и болѣе; еще больше содержаніе сахара въ сушеныхъ или вареныхъ въ сахарѣ фруктахъ.

Употребленіемъ фруктовъ, вроде сливъ, вишенъ или яблоковъ, можно достигнуть болѣе явильнаго пищеваренія. Наоборотъ, закрѣпляющимъ образомъ дѣйствуютъ ягоды: черника и брусника, но особенно первая. Для этой цѣли берутъ высушенныя ягоды черники, обливаютъ ихъ холодной водой и при частомъ взбалтываніи оставляютъ на горячей плитѣ въ теченіе двухъ часовъ, пока вся масса не превратится въ сиропообразную жидкость; послѣднюю послѣ этого отцѣживаютъ и сохраняютъ въ прохладномъ мѣстѣ. Для достиженія дѣйствія при случайныхъ поносахъ слѣдуетъ принимать эту жидкость 3—4 раза въ день по чайной ложкѣ.

Гораздо нѣжнѣе дѣйствіе отдѣльныхъ сортовъ фруктовъ, если ихъ употреблять въ вареномъ видѣ, главнымъ образомъ, какъ компотъ. Тѣ, которые страдаютъ слабымъ желудкомъ, изжогой и т. п., должны употреблять только вареные плоды. Нѣтъ сомнѣнія, что они въ такомъ видѣ лучше перевариваются и вообще болѣе аппетитны.

Чѣмъ менѣе фрукты привлекательны на видъ, тѣмъ болѣе они представляютъ опасности для тѣхъ, которые ихъ употребляютъ. Сырые грязные фрукты ни въ какомъ случаѣ не должны быть употребляемы, такъ какъ на нихъ постоянно остается много пыли, часть грязи или земли, паутины и т. п. Ясно изъ этого, что при такихъ обстоятельствахъ легко возможно вмѣстѣ съ плодами вводить въ

тѣло различныя болѣзнетворныя зародыши. Поэтому, сырые фрукты необходимо передъ употребленіемъ тщательно обмывать.

Однако, плоды должны отличаться не только чистотой, но они должны быть совершенно зрѣлы. Какъ часто грѣшатъ именно противъ этого правила! Есть люди, которые страшно любятъ кислые плоды, и чѣмъ зеленѣе груши и яблоки, тѣмъ болѣе они ими восхищаются. Нѣкоторые потребители изъ-за экономіи покупаютъ незрѣлые или даже испорченные плоды; но нужно помнить, что кислота и продукты разложенія вліяютъ раздражающимъ образомъ на слизистую оболочку пищеварительныхъ органовъ.

Слѣдуетъ особенно остерегаться пить много воды скоро послѣ того, какъ было съѣдено изрядное количество фруктовъ, такъ какъ вода разжижаетъ желудочный сокъ и поэтому почти совѣмъ прекращается перевариваніе пищи, которое безъ того затруднено вслѣдствіе введенія большого количества фруктовъ.

Другая скверная привычка, весьма распространенная особенно среди дѣтей, состоитъ въ томъ, что проглатываютъ волокнистыя скорлупы и косточки отъ нѣкоторыхъ плодовъ. Правда, есть такіе желудки, которые способны все переваривать, но необходимо помнить, что косточки отъ фруктовъ, проглоченныя намѣренно или ненамѣренно, могутъ служить причиной весьма опаснаго воспаленія въ кишечномъ каналѣ. Воспаленіе слѣпой кишки, котораго все такъ справедливо боятся, весьма часто зависитъ отъ застрявшей косточки. Въ другихъ случаяхъ бываетъ, что дѣти шелкаютъ косточки и съѣдаютъ находящіяся въ нихъ ядра, содержащія синильную кислоту. Если съѣсть много такихъ миндалей, то можно вызвать явленіе отравленія.

Изъ сказаннаго видно, что даже при употребленіи вкусныхъ фруктовъ должны быть соблюдаемы умѣренность и осторожность, если желательна предохранить себя отъ неминуемыхъ заболѣваній.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЪ БРАТСКОЙ ЛАВКѢ

(Долгая 15)

при соборѣ

поступило въ продажу натуральное виноградное

церковное вино изъ

Крымскаго имѣнія

„АРХАДЕРЕССЕ“

свѣтлѣйшаго князя К. А. Горчакова

Цѣна 75 к. 90 к. 1 р. 10 к. бутылка.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. — Отъ Варшавской Духовной Консистоіи. — Отъ редакціи. — Отдѣлъ II. Что насъ раздѣляетъ со старо-католиками? (окончаніе). — Можно ли христианину быть социалистомъ? (окончаніе). — Замѣтка. — Объявленіе.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Дозволено Цензурою—Варшава, 13 октября 1906 года.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Краковское Предмѣстье № 3.